

7-84

R · I · N · A · S · C · I · M · E · N · T · O

ГЕРМАНЪ ГРИММЪ

МИКЕЛЬ

АНДЖЕЛО

БУОНАРРОТИ

ВЫП: 2

ПЕРЕВОДЪ В. Г. МАЛАХИЕВОЙ-МИРОВИЧЪ. ОРНАМЕНТАЦІЯ КНИГИ. Подъ Ред. М. ДОБУЖИНСКАГО

І 9 І 3

ИЗДА
ГРЯДУЩИЙ
ДЕНЬ
СПЕ
РЕДАКТОРЪ
А. Л.
ВОЛЫНСКІЙ

11 ФЕВ 2008

ВТОРАЯ

MICHAEL ANGELVS BONAROTVS PATRITIVS
FLORENTINVS AN AGENS LXXII

QUANTVM IN NATVRA ARS NATVRAQVE POSSIT IN ARTE
HIC QVI NATVRÆ PAR FVIT ARTE DOCET

M D XLVI

IVLIO-B.F.

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО
ГРАВЮРА
ИЗЪ КНИГИ КОМАНВИ
VITA DI MICHELACNOLO
BUONARROTI.

V. F. Sca.

О тѣмъ-же законамъ, по какимъ въ нашей памяти все пережитое принимаетъ опредѣленные формы, въ сознаниі народовъ создается представленіе объ ихъ исторіи и въ сознаниі всего человѣчества образъ прошлаго. Съ точки зрѣнія науки было-бы, можетъ-быть, естественно оставить совсѣмъ въ сторонѣ вопросъ о созданіи человѣка и удовлетвориться признаніемъ безконечнаго вихря поколѣній, теряющагося въ невообразимой дали вѣковъ, необъяснимаго происхожденія.

Но такая постановка вопроса противорѣчитъ тенденціямъ человѣческаго духа. Люди хотятъ вѣрить, что первая человѣческая чета была сотворена божественнымъ изволеніемъ, что отъ нея произошли современные народы. Чѣмъ дальше углубляется наша мысль въ прошедшее, тѣмъ пустыннѣе, но тѣмъ прекраснѣе представляется намъ земля. На ней жили существа болѣе сильныя, болѣе прекрасныя, болѣе одинокія, чѣмъ мы. Затѣмъ населеніе странъ все увеличивается, все незначительнѣе становятся ихъ обитатели. Великіе люди являются все рѣже и рѣже, ихъ духовная сила мельчаетъ. Наконецъ, мы подходимъ къ

нашему времени, уже не порождающему больше никакихъ героевъ: нынѣ самый незначительный человѣкъ, который живетъ, ѣстъ и пьетъ, какъ и человѣкъ отчужденнаго благородства, имѣетъ свое собственное имя, звучащее изъ края въ край, если только пущены въ ходъ нѣкоторыя, пригодныя для этого, пошлыя ухищренія.

Такое отношеніе къ прошлому и настоящему свойственно всѣмъ народамъ. Оно встрѣчается повсюду. Всѣ относятъ высокое и героическое въ область былого, а обыденное въ область настоящаго.

Но все сильнѣе видѣется въ сознаніе людей иное воззрѣніе.

Пока остываетъ вулканъ и изъ потоковъ его лавы образуются горные кряжи, а кратеръ обращается въ глубокое, тихое озеро, успѣваютъ сойти въ могилу поколѣнія за поколѣніями. Нужны два-три тысячелѣтія, чтобы осуществилось подобное превращеніе. Наука теперь такъ хорошо изучила эти процессы, что мы знаемъ всѣ условія, необходимыя для ихъ завершенія. По сравненію съ ихъ длительностью продолжительныя человѣческія войны кажутся мгновенной вспышкой стога сѣна, а долгіе годы страданія одного человѣка — не длиннѣе тѣхъ мученій, которыя испытываетъ червякъ, раздавленный сапогомъ садовника. Самыя отдаленныя миѳическія времена кажутся намъ еще досягаемо близкими. И тогда жили такіе-же люди, какъ и нынѣ: они ѣли, пили, любили и ссорились, какъ и мы. Въ озерахъ Швейцаріи были открыты слѣды жизни, относящіеся къ эпохѣ несравненно болѣе отдаленной, чѣмъ такъ называемая древнѣйшая исторія Европы. Найдены были полубогорѣвшія хлѣбныя зерна, глиняные черпаки, всяческія орудія, грубо сдѣланныя изъ кости. Они такъ-же мало свидѣтельствуютъ о величій тѣхъ людей, какъ издѣлія и черепа американскихъ дикарей, живущихъ теперь въ условіяхъ, въ какихъ жила, вѣроятно, древній народъ, исчезнувшій съ лица земли.

Что значимъ мы съ нашими мѣрами пространства и времени? Что такое земля среди безконечности небесныхъ твореній? Какое множество пертурбацій пережила она до того, какъ появился на ней человѣкъ! Какъ долго просуществовали люди, прежде чѣмъ въ ихъ сознаніи появилось ощущеніе прошедшаго! Немногія тысячелѣтія, обозначаемыя нами именемъ исторіи, представляютъ лишь крошечный отрѣзокъ длиною въ дюймъ отъ всего пути человѣчества, который надо измѣрять милями. Быть можетъ, правильный взглядъ на это скоро сдѣлается достояніемъ людей. Еще для римлянъ часть Германіи, лежащая по ту сторону Эльбы, казалась такой-же неизвѣстной сказочной страной, какъ для средневѣковыхъ людей временъ открытія Америки острова Тихаго Океана. Въ наше-же время даже средній человѣкъ можетъ увѣренно говорить о Южной Америкѣ, Австраліи, Японіи и древнѣйшихъ геологическихъ эпо-

хахъ. Для нашего сознанія вѣкъ героизма лежитъ не въ прошломъ: мы ожидаемъ его наступленія, какъ прекраснѣйшаго изъ тѣхъ плодовъ, какіе сулитъ намъ будущее. Наши идеалы не позади, а впереди насъ.

Теперь происходитъ ломка установившихся взглядовъ. Мы уже съ недоумѣніемъ смотримъ въ прошедшее и ждемъ отъ будущаго новыхъ откровеній человѣческаго духа, великихъ дѣяній, какихъ еще не видѣлъ міръ.

Подобно тому какъ пересѣкаются между собою пути небесныхъ свѣтилъ, и каждое изъ нихъ опредѣляетъ движеніе другихъ, вліяя на нихъ своими особенностями, такъ и всѣ люди, которые жили, живутъ и будутъ жить, образуютъ единую огромную систему человѣчества, гдѣ малѣйшее дѣяніе отдѣльнаго лица оказываетъ большею частью незамѣтное, но несомнѣнное воздѣйствіе на общій ходъ развитія цѣлаго. Исторія есть повѣствованіе о колебаніяхъ, пережитыхъ человѣчествомъ въ его полнотѣ, потому-что духовныя силы единичныхъ людей не равны между собою. Наше стремленіе изучать исторію вызывается желаніемъ познать законы этихъ колебаній и силы, ихъ обуславливающія. И открывая въ ней то мощные, но спокойные потоки, то мертвую тишь, то бурные водовороты, мы всякій разъ въ качествѣ движущаго рычага этихъ явленій видимъ титаническія фигуры великихъ людей, огромнымъ напряженіемъ своего творческаго духа подчиняющихъ своему вліянію и ведущихъ за собой милліоны слабыхъ и бездѣятельныхъ. Эти люди—герои исторіи, вѣхи для пытливаго ума, разбирающагося въ безбрежномъ множествѣ явленій. Гдѣ выступаютъ эти люди, событія озаряются свѣтомъ, становятся понятными, гдѣ ихъ нѣтъ—царитъ непроницаемая для разума тьма. Когда намъ сообщаютъ факты изъ эпохи, лишенной великихъ людей, они представляются намъ обрывками подлинныхъ событій, безъ цѣны и безъ значенія, обрывками, которые, какъ ихъ ни сопоставлять, какъ ни учитывать ихъ пространственную величину, не могутъ образовать цѣльнаго единства.

Люди инстинктивно чувствуютъ величіе. Признаки его всегда были извѣстны человѣчеству, и поясняютъ ихъ незачѣмъ. Достоинство и значеніе человѣка измѣряется тѣмъ, насколько онъ самъ способенъ подняться до него или примкнуть къ тѣмъ, кто дѣйствительно великъ. И только то, что видно въ человѣкѣ подъ этимъ угломъ зрѣнія, образуетъ его подлинную индивидуальность. Властитель, желѣзной волей руководящій судьбой народовъ, подчиняющій ихъ своимъ переменчивымъ желаніямъ, исчезнетъ безъ слѣда изъ памяти людей. Его будутъ помнить нѣкоторое время, какъ чудище, посланное Провидѣніемъ, но скоро обликъ и имя его потонутъ въ безразличіи забвенія. Наоборотъ, какой-нибудь несчастный, темный человѣкъ, глубоко ощутившій потребности своего народа и высказавшій плодотвор-

ную мысль, необходимую для того, чтобы совершить давно назрѣвшій шагъ по пути прогресса, уже безсмертенъ въ плодахъ, ею принесенныхъ. Имя его можетъ быть забыто. Но на извѣстномъ пунктѣ исторіи всегда будутъ чувствовать, что тутъ именно стоялъ человѣкъ могучей силы.

Изученіе исторіи должно пробуждать въ насъ, такимъ образомъ, не печаль о прошедшихъ дняхъ, а увѣренность въ наступленіи прекраснаго будущаго. Мы стремимся къ нему и потому хотимъ знать тѣхъ, кто нѣкогда шелъ впереди другихъ. Изученіе исторіи есть разсмотрѣніе того, какую роль великіе люди играли въ событіяхъ прошлаго. Эти люди образуютъ средоточіе исторической картины. Энтузіазмъ, вызываемый въ насъ отдѣльными личностями, даетъ возможность правильно оцѣнить и ихъ значеніе. Хочется созерцать этихъ людей и передавать свои выводы другимъ. Такъ думалъ Гёте, говоря, что единственная польза исторіи — это одухотвореніе, даваемое ею современному человѣку.

Мы страстно стремимся постигнуть все, что есть въ обликѣ чело-вѣчества самаго благороднаго. Когда мы созерцаемъ великихъ людей, мы испытываемъ то-же, что чувствуемъ, видя возвращеніе побѣдоноснаго войска, цвѣта народныхъ силъ. Насколько въ моментъ такого триумфальнаго шествія незамѣтный изъ простыхъ солдатъ стоитъ неизмѣримо выше каждаго изъ толпы зрителей, настолько-же несмѣтную толпу простыхъ смертныхъ превосходитъ самый незначительный изъ тѣхъ, кого мы называемъ великими. Всѣхъ ихъ вѣнчаютъ одни и тѣ-же лавры. Они образуютъ единый высокій союзъ. Земные пути этихъ людей были различны, но теперь они стоятъ рядомъ, другъ возлѣ друга: ни языкъ, ни нравы, ни положеніе, ни пространство вѣковъ не раздѣляютъ ихъ. Всѣ они говорятъ съ нами общимъ языкомъ. Для нихъ нѣтъ ни господъ, ни рабовъ. И кто теперь или когда-нибудь поднимется до высоты ихъ мысли и дѣла, тотъ какъ-бы поравняется съ ними и будетъ принятъ ими въ свою среду.

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ МОТИВЪ ИЗЪ РИЗНИЦЫ ФЛОРЕНТІЙСКАГО СОБОРА.

ЗЪ гражданъ Флоренціи трое должны быть признаны истинно великими: Данте, Леонардо-да-Винчи и Микель-Анджело. Рафаэль родился въ Урбино, но и его можно причислить къ нимъ, такъ-какъ по своему художественному облику онъ былъ, какъ и они, флорентійцемъ. Однако, Данте и Микель-Анджело возвышаются даже среди этихъ фигуръ. Вовсе не слѣдствіемъ предвзятой симпатіи явилось то, что книга эта, посвященная изслѣдованію расцвѣта флорентій-

скаго искусства, озаглавлена именемъ Микель-Анджело. Жизнеописаніе Рафаэля или Леонардо было-бы лишь отрывкомъ изъ жизнеописанія Микель-Анджело. Сила его творчества превышаетъ ихъ таланты. Лишь онъ одинъ смогъ приобщиться къ творчеству своего народа. Его личность вмѣстѣ съ его созданіями представляетъ явленіе, которое, какъ статую, надо разсматривать со всѣхъ сторонъ, тогда-какъ Леонардо и Рафаэль, какъ великолѣпныя картины, даютъ всегда живой образъ, но находящійся лишь въ одной плоскости и имѣющій лишь одну сторону.

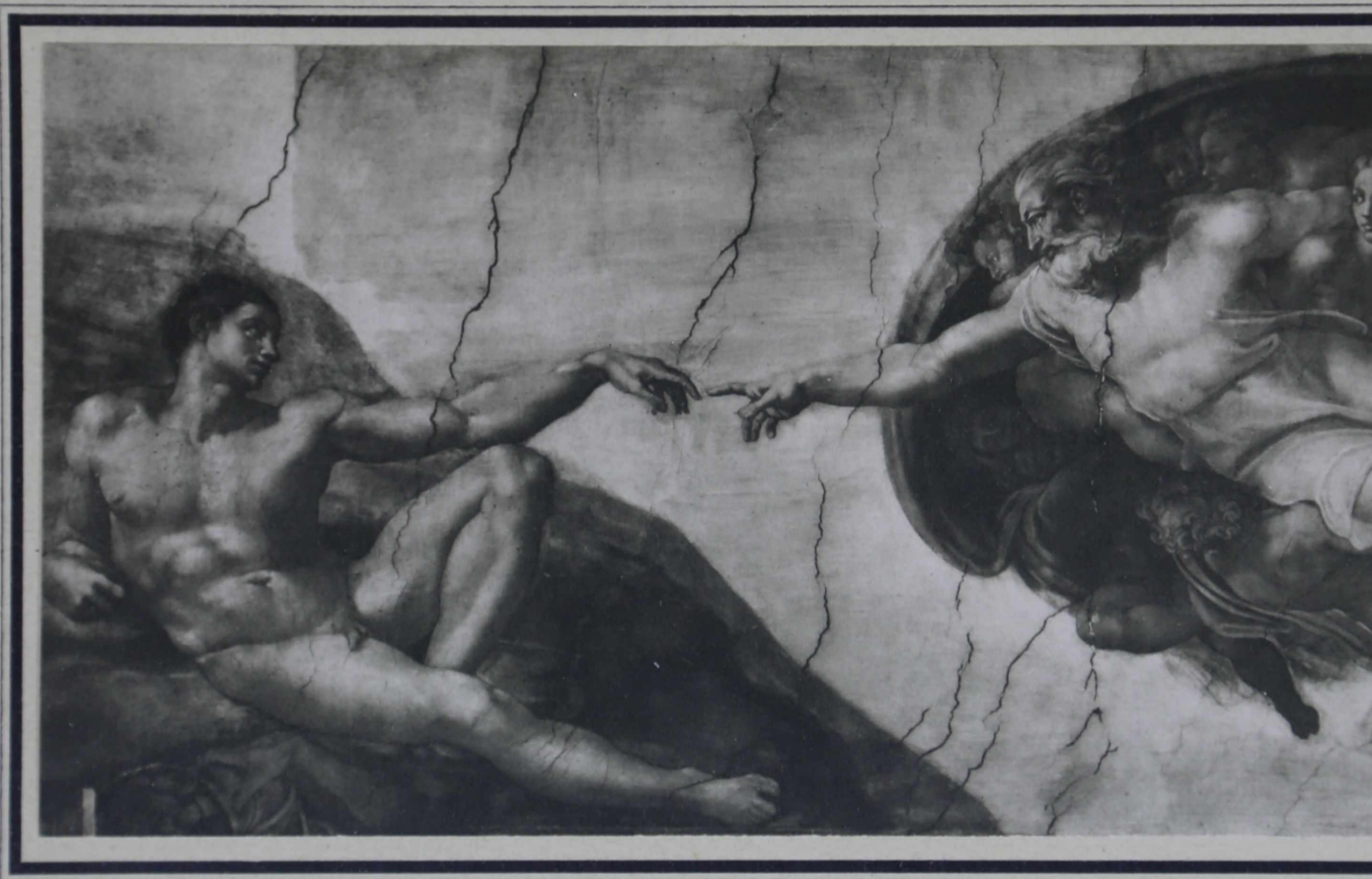

Признаніе величія Микель-Анджело возникло еще при его жизни, и не только въ Италіи, но и во всей Европѣ. Когда въ Римъ пріѣзжали нѣмецкіе дворяне, первое, чего они добивались, это—увидѣть Микель-Анджело. Даже то, что онъ достигъ глубокой старости и жилъ въ двухъ столѣтіяхъ, составляло часть его величія. Какъ мы это видимъ и у Гёте, бессмертная юность не покидала его и въ преклонномъ возрастѣ. Онъ сталъ какъ-бы одною изъ стихій Италіи. Какъ мореплаватели объѣзжаютъ скалу, не спрашивая, по какому праву стоитъ она здѣсь и преграждаетъ прямой путь, такъ и въ Римѣ почитали независимость его политическихъ убѣжденій. Ему позволяли жить согласно его взглядамъ и добивались лишь, какъ чести, его присутствія въ столицѣ. Онъ оставилъ послѣ себя обширное царство, носившее его имя. Каждое изъ его твореній стало сѣменемъ, изъ котораго выросло множество другихъ. Дѣйствительно, необозримо число произведеній, созданныхъ въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкахъ по даннымъ имъ образцамъ. Какъ личность Данте отразила въ себѣ тринадцатое столѣтіе и начало четырнадцатаго, такъ Микель-Анджело отразилъ въ себѣ три слѣдующихъ вѣка. Въ это именно время Лютеръ достигъ въ Германіи такого-же всеобъемлющаго вліянія, правда, другими средствами, на иномъ поприщѣ, и обѣ эти личности являютъ намъ противоположность двухъ одинаково мощныхъ геніевъ двухъ націй.

Съ этой стороны Микель-Анджело изученъ мало. Лишь инстинктивно чувствовалось всегда, что имя его представляетъ символъ всесторонней творческой дѣятельности. Неразрывная связь, существующая между его личной судьбой, судьбами его родины и содержаніемъ его произведеній, еще не проникла въ сознаніе культурнаго общества. Поэтому мнѣ казалось, что изображеніе его жизни подъ этимъ угломъ зрѣнія было-бы не лишено значенія.

Въ нашемъ распоряженіи имѣются двѣ довольно обширныя біографіи Микель-Анджело, написанныя еще при его жизни. Обѣ онѣ составлены художниками, называвшими себя его учениками. Одна изъ нихъ принадлежитъ Асканьо Кондиви, жившему у Микель-Анджело, другая—Джіорджіо Вазари, придворному живописцу флорентійскихъ герцоговъ, архитектору и литератору. Онъ выпустилъ въ 1550 году книгу, названную: «Жизнеописаніе выдающихся живописцевъ, скульпторовъ и зодчихъ». Біографія Микель-Анджело составляетъ конецъ третьей и послѣдней ея части.

О личности Вазари не можетъ быть двухъ мнѣній. Его достоинства и недостатки слишкомъ очевидны. Онъ былъ на своемъ посту посредникомъ между дворомъ и художниками. Но во всемъ, что онъ дѣлалъ, онъ имѣлъ въ виду лишь одно — заслужить благоволеніе

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

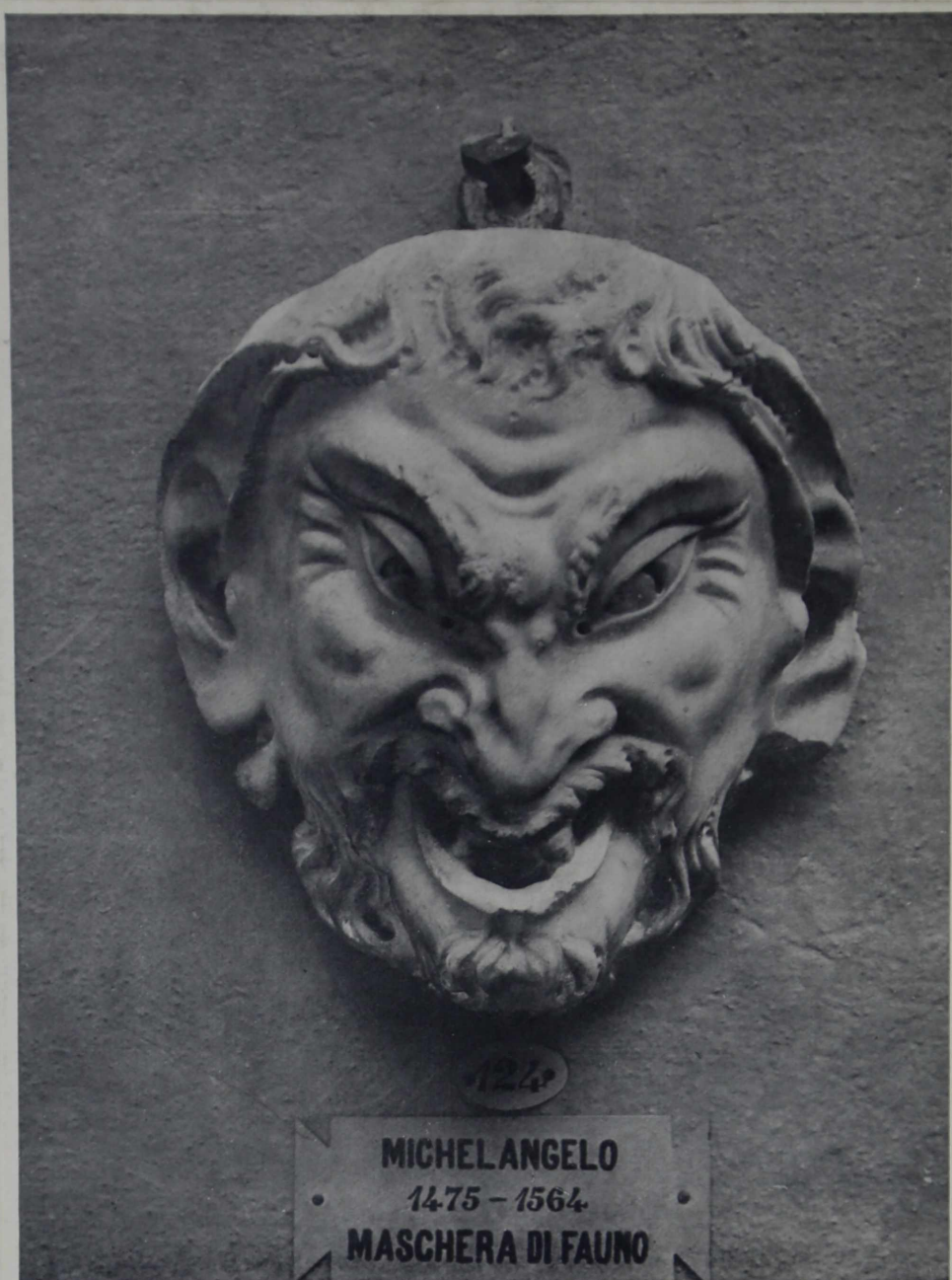
СОТВОРЕНИЕ АДАМА.

НАКОМСТВО съ сокровищами скульптуры, хранившимися въ этихъ садахъ, произвело на Микель-Анджело огромное впечатлѣніе. И подобно тому какъ нѣкогда ради живописи онъ бросилъ школу и поступилъ въ ученіе къ Гирландайо, такъ и теперь ради скульптуры онъ вновь вернулся въ мастерскую этого художника. Какъ разъ тогда въ садахъ Лоренцо, по его приказу, возводилось мраморное зданіе для библиотеки, основанной еще Козимо, дѣдомъ Ло-

ренцо. Закончить это зданіе пришлось впоследствии уже самому Микель-Анджело. Юноша, подружившись съ каменотесами, выпросилъ у нихъ кусокъ мрамора и необходимые инструменты и сталъ высѣкать копию одной античной маски фавна, находившейся въ саду. Однако, онъ не придерживался строго оригинала и сдѣлалъ ей широко открытый ротъ, въ которомъ были видны зубы.

Этотъ первый скульптурный опытъ Микель-Анджело попался на глаза Лоренцо. Однажды онъ зашелъ въ садъ отдать какія-то приказанія, такъ-какъ лично руководилъ работами по постройкѣ. Онъ похвалилъ юношу, но шутливо замѣтилъ: «Ты изобразилъ своего фавна такимъ старымъ, а сохранилъ ему всѣ зубы. Развѣ ты не знаешь, что въ старости зубы выпадаютъ?»

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

НАЦ. МУЗЕЙ. ФЛОРЕНЦИЯ.

МАСКА ФАВНА.

При слѣдующемъ посѣщеніи сада Лоренцо увидѣлъ у фавна уже настоящія старческія десны съ недостающими зубами, исполненныя съ такимъ искусствомъ, что даже вполнѣ законченный художникъ не могъ бы сдѣлать лучше. Лоренцо серьезно взглянулъ на это дѣло и велѣлъ Микель-Анджело передать отцу, чтобы тотъ зашелъ къ нему.

Людовико Буонарроти сначала не захотѣлъ откликнуться на это приглашеніе. Онъ и безъ того косо смотрѣлъ на занятія сына живописью.

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

ЛУВРЪ. ПАРИЖЪ.

РИСУНОКЪ ГОЛОВЫ ФАВНА.

Желаніе-же сына сдѣлаться «каменотесомъ» вывело его окончательно изъ себя. Франческо Граначчи, оказавшій помощь въ первомъ случаѣ, и на этотъ разъ уговорилъ отца Микель-Анджело пойти къ Лоренцо. Людовико Буонарроти былъ прямымъ и честнымъ человѣкомъ, но крѣпко приверженнымъ къ старинѣ: *homo religioso e buono e piuttosto d'antichi costumi che no*, говоритъ о немъ Кондиви. Онъ не мирился ни съ чѣмъ необычнымъ и новымъ, и надо было много усилій, чтобы побудить его

согласиться на то, чего не было при жизни дѣдовъ и отцовъ. Поэтому онъ горько сокрушался, что сына его толкаютъ на ложный, по его мнѣнію, путь, и пошелъ къ Лоренцо съ намѣреніемъ воспрепятствовать этому.

Но любезный пріемъ, оказанный ему Лоренцо, настроилъ его совсѣмъ на другой ладъ и заставилъ сказать то, чего онъ навѣрно

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

ГАЛЛ. БУОНАРРОТИ. ФЛОРЕНЦИЯ.

БИТВА КЕНТАВРОВЪ СЪ ЛАПИДАМИ.

не думалъ еще нѣсколько минутъ назадъ. Онъ заявилъ, что не только сынъ его, но и самъ онъ со всѣми домочадцами готовы служить Его Великолѣпію жизнью и состояніемъ. Медичи спрашивалъ Людовико объ его семейныхъ и денежныхъ дѣлахъ. Тотъ рассказалъ, что не ведетъ никакихъ торговыхъ предпріятій, а живетъ на скромные доходы съ земельныхъ владѣній, оставленныхъ ему предками. Доходы эти онъ ста-

рается по мѣрѣ силъ увеличить. Лоренцо обѣщалъ ему свою помощь во всемъ, въ чемъ только она ему понадобится.

Дѣло было рѣшено къ обоюдному удовольствію отца и сына. Черезъ нѣкоторое время Людовико обратился къ Лоренцо съ ходатайствомъ о назначеніи его на освободившееся мѣсто при таможенѣ, приносившее восемь скуди мѣсячнаго дохода. Герцогъ, ожидавшій услышать менѣе скромную просьбу, будто-бы похлопалъ Буонарроти по плечу, сказавъ: «Ты, я вижу, никогда не станешь богачомъ, Людовико». Онъ исполнилъ желаніе Людовико и вмѣстѣ съ тѣмъ взялъ Микель-Анджело къ себѣ во дворецъ, давъ ему отдѣльную комнату и опредѣливъ мѣсячное жалованье въ пять дукатовъ. У Медичи ежедневно происходили торжественныя обѣды. Лоренцо садился въ верхнемъ концѣ стола, предоставляя желающимъ, независимо отъ ихъ положенія и богатства, садиться около него. Такимъ образомъ, случалось, что Микель-Анджело занималъ болѣе почетное мѣсто, чѣмъ сыновья Лоренцо, которые, впрочемъ, любили молодого художника и были съ нимъ дружны.

На этомъ Лоренцо не остановился. Онъ часто призывалъ Микель-Анджело къ себѣ и разсматривалъ съ нимъ ювелирныя издѣлія, монеты и разнаго рода драгоценности, во множествѣ находившіяся во дворцѣ, внимательно прислушиваясь къ сужденіямъ художника. Микель-Анджело велъ также продолжительныя бесѣды съ Полиціаномъ, черпая въ нихъ познанія объ античномъ мірѣ. По совѣту послѣдняго художникъ сдѣлалъ барельефъ, изображавшій битву кентавровъ съ Ланіонами, приведшій всѣхъ въ изумленіе, несмотря на то, что остался незаконченнымъ. Образцомъ ему послужило, вѣроятно, изображеніе подобной-же сцены на какомъ-нибудь изъ античныхъ саркофаговъ. Микель-Анджело всю жизнь не разставался съ этимъ произведеніемъ своей юности и даже въ старости гордился имъ. Теперь этотъ барельефъ находится въ домѣ Буонарроти, а голова фавна — во флорентійскомъ Национальномъ Музеѣ.

Бертольдо пробудилъ въ Микель-Анджело любовь къ творчеству Донателло и обучилъ его литью изъ бронзы. Микель-Анджело отлилъ барельефъ съ фигурой Мадонны, по манерѣ напоминающей работы Донателло. Онъ находится въ томъ-же домѣ Буонарроти во Флоренціи. Вмѣстѣ съ другими учениками Бертольдо онъ копировалъ затѣмъ фрески Мазаччіо въ капеллѣ Бранкаччи, гдѣ въ то время Филиппино Липпи дописывалъ незаконченныя этимъ художникомъ фигуры. Липпи изобразилъ на своихъ фрескахъ много знакомыхъ лицъ. Мы найдемъ здѣсь Граначчи въ видѣ обнаженнаго мальчика, портретъ самого Филиппино, его учителя Боттичелли, затѣмъ Поллайuolo и другихъ знаменитыхъ или знатныхъ людей. Этотъ обычай изображать на картинахъ себя и своихъ

друзей содѣйствовалъ зарожденію въ художникѣ чувства, что онъ составляетъ часть самого искусства, часть большой и постоянно обновляющейся общины людей, работающихъ въ опредѣленномъ направленіи. Чувство это придавало ему бодрость и отражалось на окружающихъ его работахъ.

Въ тѣ времена все благопріятствовало развитію искусства. Всякое направленіе могло свободно раскрываться рядомъ съ другими. Образцами для творчества служили лучшія произведенія какъ древнихъ, такъ и новыхъ мастеровъ. А зародившееся въ художникахъ сознание необходимости изучать природу не дало погибнуть непосредственному чувству подъ гнетомъ мертвой подражательности, въ позднѣйшее время наложившей на искусство свою тяжелую печать. Это изученіе стало главнымъ дѣломъ преподаванія въ художественной школѣ, учрежденной Лоренцо Медичи, такъ-какъ самъ онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ вѣрнаго природѣ направленія въ искусствѣ и умѣлъ передать свое убѣжденіе окружавшимъ его артистамъ. Врядъ-ли можно указать въ исторіи другой примѣръ такого благотворнаго вліянія со стороны человѣка, облеченнаго властью. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ искусство немедленно начинаетъ клониться къ упадку, когда могущественные, но чуждые ему люди вмѣшиваются въ свободное творчество художниковъ со своими посторонними соображеніями или низменными вкусами. Однако, не матеріальная власть, находившаяся въ рукахъ Лоренцо Медичи, а его искренняя любовь къ искусству, его тонкое художественное чутье, его обширныя познанія въ области классической древности, доставшіяся ему цѣной долгаго и прилежнаго изученія, сдѣлали его единственнымъ въ исторіи по количеству и величю заслугъ въ этой области, человѣкомъ. Онъ не жалѣлъ трудовъ и затратъ на художественную школу, свое любимое дѣтище. Самъ выбиралъ учителей, прилежно слѣдилъ за успѣхами учениковъ, умѣлъ по первымъ шагамъ угадывать ихъ дарованіе и предсказывать великую будущность тому, въ комъ чувствовалъ проблески генія. Онъ далъ юнымъ художникамъ возможность встрѣчаться съ самыми выдающимися людьми Италіи. Вѣдь все, что было лучшаго въ странѣ, стекалось во Флоренцію ко двору Лоренцо Великолѣпнаго, не только центру, откуда направлялась политическая жизнь государства, но и средоточію религиозныхъ движеній, философской мысли, поэзіи, филологіи. Все, что происходило значительнаго на свѣтѣ, быстро становилось извѣстнымъ въ этой столицѣ просвѣщенія, горячо обсуждалось здѣсь и оцѣнивалось по достоинству. Все посредственное какъ-бы таяло въ лучахъ прекраснаго. Но и само прекрасное не принималось на вѣру, слѣпо. Оно подвергалось критическому анализу, прежде чѣмъ дѣлалось предметомъ

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

ГАЛЛ. БУОНАРРОТИ. ФЛОРЕНЦІЯ.

МАДОННА.

восхищенія. Оживленная свѣтская жизнь текла здѣсь рядомъ съ серьезной духовной работой, не нарушая ее. Возможность вредныхъ вліяній слишкомъ утонченной жизни умѣрялась острымъ умомъ флорентійскаго народа, сумѣвшаго найти вѣрный путь для своего культурнаго процвѣтанія.

Народъ этотъ обладалъ свойствомъ, которое только у него и можно найти. Оно крѣпко привязывало къ Флоренціи какъ ея уроженцевъ, такъ и пришельцевъ: только здѣсь могли встрѣтить они полное и справедливое признаніе своего личнаго творчества. Нигдѣ, можетъ быть, не возводилось на людей такихъ клеветническихъ обвиненій, но и нигдѣ не умѣли воздавать достойнымъ такую высокую хвалу. Художники часто страдали во Флоренціи отъ несправедливости, интригъ, скупости города, пользовавшагося всякимъ случаемъ, чтобы урѣзать у нихъ условленную жалкую плату за трудъ, отъ мѣткихъ и злыхъ прозвищъ. Но все это искупалось, въ концѣ концовъ, справедливой оцѣнкой и вознагражденіемъ по заслугамъ, если таковыя дѣйствительно имѣлись. Развѣ можетъ существовать художникъ безъ среды, которую онъ чувствовалъ-бы достойной себя? Донателло покинулъ Падую, гдѣ его замучили всякаго рода лестью, и вернулся въ родную Флоренцію. «Флорентійцы всегда найдутъ поводъ хулить мои произведенія, — говорилъ онъ, — но ихъ хула побуждаетъ стремиться къ достиженію болѣе высокаго совершенства». Кто пребывалъ въ самодовольствѣ, того во Флоренціи презирали. Тѣ художники, у которыхъ не было необходимости зарабатывать себѣ пропитаніе, стремились къ совершенствованію изъ честолюбія, тѣ-же, которые работали ради платы, должны были напрягать свои творческія силы, чтобы не отстать въ борьбѣ съ конкурентами. Въ самомъ воздухѣ Флоренціи, говоритъ Вазари, есть что-то, неудержимо заставляющее стремиться къ славѣ и почестямъ. Никто изъ флорентійцевъ не хотѣлъ стоять рядомъ съ остальными. Всякій искалъ возможности выдѣлиться и возвыситься. Каждый говорилъ себѣ: чѣмъ-же я хуже тѣхъ согражданъ, которые окружены славой? Развѣ я не могу добиться того-же, чего достигли они, или даже уйти дальше ихъ? Но по той-же причинѣ тѣ, кто хотѣлъ, чтобы имя ихъ не затерялось въ будущихъ вѣкахъ, не должны были оставаться во Флоренціи. Флоренція, какъ время, создаетъ лишь для того, чтобы разрушать собственныя творенія, какъ только они достигли полнаго завершенія.

Мнѣ думается, что если, вообще, дозволено окружать историческія событія романтическимъ ореоломъ, то съ наибольшимъ правомъ можно сдѣлать это по отношенію къ флорентійскому обществу того времени и его культурѣ. Искусство, являющееся у насъ лишь утонченнымъ продуктомъ жизни, не всѣмъ одинаково нужнымъ, было

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО
приписывается.

ИМ. РАТСГОФЪ. ЛИФЛЯНДІЯ.
Колл. Фонъ-Дипарта.

АПОЛЛОНЪ И МАРСІЙ.

тогда необходимой частью существованія, столь-же насущной, какъ хлѣбъ и соль. Тогда стихи не только писались, — ихъ пѣли на публичныхъ празднествахъ. Танцы, верховая ѣзда, игра въ мячъ были ежедневнымъ времяпрепровожденіемъ, и умная бесѣда, съ блестящими прекраснаго языка Италіи, была для флорентійцевъ такимъ-же источникомъ наслажденій, какъ и освѣжающее купанье или веселый пиръ. Но во флорентійской жизни была еще одна черта, особенно содѣйствовавшая духовному росту юнаго Микель-Анджело. Это черта, свойственная однимъ

романскимъ народамъ и совершенно отсутствующая у германскихъ: итальянское юношество никогда не знало стѣсненнаго и бездѣтнаго существованія, какое ведетъ у насъ молодежь въ обществѣ взрослыхъ. Въ возрастѣ пятнадцати, шестнадцати и семнадцати лѣтъ молодые люди, въ Германіи едва превозмогающіе стѣсненія и неловкость, среди старшихъ или младшихъ, въ Италіи находятъ и свободный тонъ общенія, и подходящій предметъ разговора съ женщинами, мужчинами и дѣтьми.

Благодаря этому Микель-Анджело могъ съ пользою для себя вращаться въ кругу образованнѣйшаго общества своего времени уже съ того возраста, когда душа особенно воспримчива къ глубокимъ и благороднымъ впечатлѣніямъ. Но вскорѣ во Флоренціи разразились бури, оставившія на личности и творчествѣ Микель-Анджело такой-же замѣтный слѣдъ, какъ и предыдущіе годы безоблачнаго покоя. Паденіе Лоренцо было уже тогда ближе, чѣмъ могъ надѣяться самый ярый врагъ его, и поворотъ его судьбы, начавшійся въ послѣдніе годы его правленія, съ возрастающей быстротою велъ и его и установившееся во Флоренціи положеніе дѣлъ къ неминуемой гибели.

